

О. С. Поршнева

**ОБРАЗЫ ЗАПАДНЫХ СОЮЗНИКОВ В РУССКОМ ТРАДИЦИОННОМ
СОЗНАНИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 гг.)**

Стремительные социальные перемены в России во второй пол. XIX – нач. XX в., специфика социокультурной динамики и опыта взаимодействия с другими государствами определили трансформацию массовых представлений о «чужих» странах и культурах. В основе народного восприятия «своего» и «чужого» были глубоко укоренившиеся этностереотипы, сложившиеся в результате длительного, конфликтного и мирного, исторического взаимодействия с другими народами, под влиянием мифологической традиции. Модернизация оказывала на носителей традиционного сознания противоречивое воздействие: с одной стороны, в процессе распространения образования и приобщения к городской культуре началось усвоение рациональных представлений о внешнем мире, их демифологизация. На это требовалось значительное время и в рассматриваемый период данный процесс был далек от состояния, когда рациональные компоненты преобладали бы над мифологическими¹. Одновременно под влиянием разрушения традиционного уклада происходила актуализация образа враждебного Запада как источника нежелательных изменений, мобилизация установок почвенного сознания.

Основными союзниками России, входившей накануне и в годы первой мировой войны в состав Антанты, были Англия и Франция, которые стали главными объектами формирующихся в народном сознании образов союзных стран и народов. Говоря об образах Англии, Франции и в целом западных стран в народной культуре, необходимо учитывать свойственную последней высокую степень мифологизации представлений о внешнем мире. Господство мифологического восприятия других стран и народов напрямую зависело от отсутствия информации, которое, в свою очередь, было связано не только с недостаточными возможностями ее получения, но зачастую и с отсутствием интереса.

Неоднократно отмечалось, что крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения страны, «к истории других народов относятся равнодушно и не любят слушать про них чтение»². Объясняется данный феномен тем, что традиционное сознание воспринимало иное культурное пространство как угрозу своему существованию, как сферу враждебного «чужого». Для русского народного сознания в течение веков была характерна не только мифологизация, но и демонизация образа Запада³. Она не только сохранялась в условиях модернизации, но и выполняла особую защитную роль в отношении традиционной культуры. Носители народной культуры

неосознанно сопротивляются восприятию информации, способной разрушить целостность традиционной картины мира. А. Н. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» в 70-е годы XIX в. приводит представления об Англии, бытовавшие среди крестьян: «Носились разные слухи, в которых на первом месте фигурировала “англичанка”. Потом стали говорить, что будет набор из девок, что этих девок царь отдает в приданое за дочкой, которая идет к англичанке в дом. Девки, толковали, выдадут замуж за англичан, чтобы девки их в нашу веру повернули. Поднесение принцу Эдинбургскому смоленской иконы божьей матери дало обильную пищу толкам и слухам, которые все можно свести к одной мысли – мы стремимся перевести англичанку в нашу веру»⁴. А. Н. Энгельгардт описывает и слухи, распространяемые в связи с приближающейся русско-турецкой войной: «Все были убеждены, что весною откроется война с англичанкой. Общий смысл такой: враг – англичанка, союзник – Китай, бунтует против грека (понимай славяне) – турок, грек какой-то беспомощный»⁵.

В этих представлениях, несмотря на их иллюзорный характер, прослеживаются определенные тенденции: «англичанка» выступает, как правило, в качестве враждебной для России силы – отражение убеждений, бытовавших в это время среди российской политической элиты⁶. А. Н. Энгельгардт показывает широкое распространение среди крестьян воззрений о том, что русско-турецкая война на самом деле была не с Турцией, а со стоящей за ее спиной «англичанкой», и возникла она из-за того, что та не захотела принять православную веру⁷. К такому же выводу о сути народных представлений о причинах и противниках в русско-турецкой войне пришла современный исследователь русского традиционного сознания С. В. Лурье⁸. «Англичанка» выступает в народном сознании в качестве главного противника России в Крымской войне, что можно проследить по посвященным обороне Севастополя историческим песням и балладам⁹.

Низкий уровень грамотности населения России в рассматриваемый период, в особенности, крестьянского, не способствовал получению рациональной информации о внешнем мире. Несмотря на то, что на рубеже XIX–XX вв. успехи в развитии грамотности в России были довольно значительными (среднегодовой темп роста грамотности сельского населения составлял около 1,8%, всего населения – 1,6%¹⁰), удельный вес грамотных продолжал оставаться невысоким. По официальным данным в начале XX в. лишь 21% подданных российского императора имели хотя бы начальный уровень образования. Причем эти люди были распространены по территории страны отнюдь не равномерно, а концентрировались в городах (13% населения), по преимуществу в 19 крупнейших¹¹. Уровень грамотности крестьянского населения в 1897 г. составлял в 50 гу-

берниях европейской России 17,4%¹². В период 1908–1913 гг. по 12 губерниям европейской России грамотные составляли 24–25% от общей численности сельского населения, причем по отдельным губерниям этот показатель колебался от 14,8% (Пензенская) до 41,7% (Московская)¹³.

На восприятии Франции и ее народа образованной частью русского общества сказалась пропаганда положительного образа этой страны, начавшаяся еще во второй пол. 80-х гг. XIX в. и ставшая особенно активной с 1890-х гг., после оформления русско-французского союза. В то же время отношение к Великобритании в России из-за острого имперского противоборства двух стран во второй пол. XIX - нач. XX вв. было в целом негативным. Его преодоление началось только после заключения летом 1907 г. англо-русской конвенции и мер по взаимному сближению, принятых министрами иностранных дел России и Великобритании А. П. Извольским и сэром Э. Греем. В литературе неоднократно подчеркивалось, что именно А. П. Извольский впервые в истории страны начал систематическую работу с прессой, направленную на обеспечение общественной поддержки правительственному внешнеполитическому курсу и, в частности, ломку негативных стереотипов в отношении Великобритании¹⁴. Анализ А. Б. Давидсоном основных тенденций формирования и эволюции образа Британии в России в контексте российско-британских отношений XIX и XX вв. позволил обосновать тезис о резком усилении симпатий к Великобритании накануне и в годы первой мировой войны в условиях союзнического взаимодействия. Оно было ознаменовано развитием культурных контактов двух народов, способствовавших лучшему взаимопониманию и преодолению негативных стереотипов¹⁵.

Вступление 19 июля (1 августа) 1914 года России в первую мировую войну вызвало в стране мощный подъем патриотических настроений. Как и в других европейских странах¹⁶, в России в связи с началом войны отмечался религиозный подъем как проявление эсхатологического сознания и восприятия войны как конца старого мира. Духовный подъем в России был связан и с ощущением выполнения сакральной миссии: не только защиты славян, но и всей Европы и мира от «германизма». Характерной общеевропейской чертой «настроения 1914», проявлявшейся и в России, было осознание пересечения исторического рубежа, наступления знаменательной вехи на пути человеческой цивилизации¹⁷.

Свидетельством осведомленности еще накануне войны достаточно широких городских слоев населения о противниках и союзниках России в предстоящей борьбе были стихийные патриотические демонстрации в дни июльского кризиса, отмеченные просоюзническими лозунгами. Они прошли 17 июля 1914 г. в Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Ялте, Саратове, Новой Ладоге, Тихвине, Тифлисе и других городах¹⁸. Так, в Екатерин-

бурге 17 июля в манифестации приняло участие свыше тысячи человек, а на следующий день на улицах города вновь появились демонстранты с национальными флагами, пением патриотических гимнов, криками «Да здравствует Россия и Сербия!», «Да здравствует Англия и Франция!», «Долой Австрию!», «Долой Германию!», причем к 11 часам вечера в городе ходили уже две манифестации¹⁹.

Концепция справедливой освободительной войны тиражировалась в печати, в том числе ежедневных газетах, излагалась в специальных популярных брошюрах, выходявших в издательствах товариществ И. Д. Сытина, И. Н. Кушнерова и др., в лубочной литературе, кинематографе, театре, разъярялась с амвонов церковей. Широко распространившиеся в стране в 1914 г. представления о войне как борьбе с германской агрессией, угрожающей миру и самому существованию народов, делали союзников в глазах русских людей борцами за общее правое дело²⁰. Большое распространение в начале войны получил «сатирический» жанр печатной, устной, изобразительной, кино- и театральной пропаганды. Особенно он был действенным в формировании в массовом сознании образов противников России в войне и в гораздо меньшей степени, косвенно работал на формирование позитивного образа союзников²¹. Так, в юмористическом альманахе наряду с русскими победами над карикатурно изображаемыми противниками нашли отражение успехи союзников-англичан в Каире:

Чтобы больше турки
Не играли в жмурки
Англичане ловко ноги и головки
Мигом отмахнули
Те и ... позаснули²².

Ход войны, в том числе роль в ней союзников, отражался в массовом сознании и помимо пропаганды. Так, стабилизация Восточного фронта после русских неудач в Восточной Пруссии и предотвращение взятия немцами Парижа нашли отклик в частушке, записанной в 1914 г.:

Немец битву начинал
И в Варшаве быть желал;
Шел обедать он в Париж –
Преподнес французик шиш²³.

Как замечает А. В. Голубев, в этой частушке обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, равнозначность событий на Западном и Восточном фронте для автора частушки и, во-вторых, то, что уменьшительное «французик» носит явно доброжелательный, даже ласковый характер²⁴.

В то же время народное сознание фиксировало и отличия между русскими и их союзниками. Русские в сравнении с союзниками несомненно

обладали духовными преимуществами – такое представление предполагало оценивание с позиции традиционных этностереотипов. В сборнике солдатских военных песен, изданных в 1915 г., в одной из них говорилось:

Что за песни, что за песни
Распевает наша Русь!
Уж как хочешь, брат, хоть тресни
Так не спеть тебе, француз!²⁵

Вряд ли правомерно говорить о существовании четких представлений о причинах войны и ее участниках, союзниках России у широкой массы крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения империи. Грянувшую как гром среди ясного неба, непонятную им войну крестьяне восприняли как разновидность неподвластного им стихийного бедствия, рок, ниспосланное Богом испытание. В жандармских отчетах в Губернские жандармские управления (ГЖУ) и отчетах Департамента полиции МВД отмечалась эта специфика восприятия крестьянством войны²⁶.

Многие современники отмечали незрелый, стихийный, «инстинктивный» характер крестьянского патриотизма²⁷. Указывая на недостаточность стихийного патриотизма для победы над врагом, провинциальная газета писала: «Народные массы чувствуют правоту союзников, но больше инстинктом», призывала нести в народ понимание истинных причин войны, ее значения путем организации популярных лекций в городе и деревне, рассылки брошюр о германском милитаризме и т.д.²⁸, однако эти меры были неспособны существенно изменить ситуацию. Сохранившиеся самодостаточность, изолированность сельского мира, сословное неполноправие крестьян, отсутствие у них навыков гражданской жизни, а не только необразованность затрудняли их восприятие внешнеполитических реалий существования России на рубеже XIX–XX вв.

Единственной формулой в сознании малообразованных низов, осваивавшей войну, оставалась «За Веру, Царя и Отечество», а образы союзников России в нем были предельно схематизированными и обобщенными. Справедливостью ради следует отметить, что комплексное изучение практик национальных мобилизаций в европейских странах показывает, что крестьяне и там в преддверии войны в ряде случаев не имели представления о национальных интересах своей страны, потенциальных внешних противниках и союзниках²⁹. Исследование военного опыта сельской Германии, проведенное на материалах Баварии Бенджамином Зиманном³⁰ продемонстрировало, что для баварских крестьян было характерно «отсутствие представлений о национальных интересах государства в связи с войной, несклонность отождествлять их с интересами местными»³¹.

Отношение к союзникам рабочих было опосредовано их общим отношением к войне. Если политизированные рабочие солидаризовались со своими лидерами в истолковании проблем войны и межсоюзнических отношений, то рабочая масса, имевшая в подавляющей своей части крестьянские корни и сохранявшая живые связи с деревней, разделяла с крестьянством отношение к войне как стихийному бедствию, с которым невозможно бороться.

По мере развития военных действий в сознании российского общества стали проявляться признаки разочарования в позиции союзников. Недоверие к союзным державам стало распространяться прежде всего среди нижних чинов армии, несших наибольшие потери в кровопролитных боях. Поражения России весной-летом 1915 г. стали объяснять, в частности, бездействием союзников, а Англию обвинять в самом возникновении мировой бойни³². С 1916 года, в условиях затягивания войны, роста численности ее жертв, развертывания продовольственного, транспортного, топливного, жилищного кризисов, она становилась все менее популярной среди массовых слоев населения России³³. Неудача Брусиловского прорыва вызвала очередное разочарование в позиции союзников: в то время как русская армия помогла Франции и спасла Италию от разгрома, союзники не оказали России какой-либо существенной помощи.

В сложившейся в 1916 г. ситуации настроения недоверия к союзникам, прежде всего к Великобритании, стали широко распространяться среди рядового состава армии. По словам генерала Н. Н. Головина, «в толще армии и глубинах народа широко ходила мысль, что будто война была нам ловко навязана союзниками, желавшими руками России ослабить Германию»³⁴. Генералу часто приходилось слышать, начиная с зимы 1915–1916 гг., циркулировавшую среди солдатской массы фразу: «Союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата». «Мысль о том, что русский народ втравлен в войну вопреки его интересам, – писал Н. Н. Головин, – особенно легко прививалась к темным народным массам, в которых доверие к правительству было в корне подорвано»³⁵.

Источники, вышедшие из среды самих нижних чинов, подтверждают бытование стереотипов восприятия Англии как виновницы войны, действующей чужими руками, наживающей на русской крови. В солдатском письме от 6 апреля 1916 г. говорилось: «Если Англичанин не начал бы, тогда давно был бы мир, главным виновником является Англия. Если существует бог на небе, тогда этот мелочник не избежит наказания»³⁶. Здесь обращает на себя внимание не только убеждение, что Англия – инициатор войны и заинтересована в ее продолжении, но и использование этностереотипа «мелочник» в отношении англичан, отражающего факт сохранения традиционных представлений об их национальном характере.

ре, сложившихся в русской культуре еще в XIX в. Союзники в целом и по отдельности стали утрачивать кредит доверия, подозреваться в корыстных побуждениях в отношении России, стремлении завладеть ее территорией и богатствами³⁷. Подсчитанная нами доля критических и негативных высказываний в адрес союзников в общем объеме смысловых единиц в письмах, задержанных военно-цензурной комиссией Казанского военного округа, составляла в 1915 г. 0,81 %, в январе-октябре 1916 г. – 1,62 %³⁸. Эти данные говорят о двукратном увеличении в 1916 г. доли критических высказываний в адрес союзников по сравнению с 1915 г., что является одним из свидетельств нарастания кризиса доверия по отношению к ним в армии и его пике в январе-октябре 1916 г., после которого доля критических высказываний резко падает. При этом надо учитывать, что большая часть солдат не выражала в письмах, подлежащих цензуре, свои оценки политической и, в частности, внешнеполитической, ситуации, более того, это было строжайше запрещено цензурным ведомством, поэтому критические письма сами по себе являлись выражением протеста, «криком души» измученных людей.

Отмеченная тенденция эволюции образа союзника в сознании различных слоев армейского организма подтверждается и другими источниками. В обзоре положения в России, составленном германским военным ведомством, говорилось, что русские объясняют неудачи своего оружия пассивностью Франции и Британии: англичане-де, по их мнению, будут воевать до последнего русского солдата³⁹. Клише «Англия решила вести войну до последней капли крови русского солдата», ходившее в армии, очень точно отражает изменившееся к 1916 г. отношение к стране-союзнице нижних чинов и младших офицеров. Солдаты считали, что для этой цели англичане «втайне сговорились с начальством, подкупив его на английские деньги»⁴⁰. Солдаты стали воспринимать войну не как рок, неподвластный человеческой воле, а как навязанную им внешними и внутренними силами, в частности, союзниками, правящими классами, которые преследовали корыстные интересы, намеревались осуществить их ценой жизни, здоровья и благополучия крестьян и рабочих России. В 1916 г. пришло ощущение чуждости войны интересам солдат, ее ненужности, неоправданности, а это не могло не изменить отношения к союзникам. Недоверие к союзникам солдат-отпускники, а также демобилизованные раненые и калеки несли в деревню, заражая этим настроением крестьян.

Во многом схожие процессы происходили в рабочей среде. С весны 1916 г. среди рабочих наблюдалось нарастание настроений скептицизма и апатии в отношении лозунга «война до победного конца» как синонима полного разгрома противника, материальных компенсаций победителям и соблюдения интересов союзников⁴¹. В документе ЦВПК о рабочем дви-

жении от 28 июля 1916 г. говорилось: «Настроения рабочих весьма далеки от разрушительных тенденций, что убедительно показала война, однако у них отмечается снижение патриотического духа, озлобление»⁴². Лозунг «война до победного конца» начал ассоциироваться в сознании масс прежде всего с Англией, самым могущественным членом Антанты, принуждающим Россию, через ее правительство, к продолжению войны за непонятные и чуждые народу цели.

Влияние консервативной парадигмы российского сознания в духе «православия, самодержавия, народности» сказывалось на восприятии западных союзников традиционными слоями русского общества на протяжении всей войны. Особенно отчетливо это проявлялось в отношении к британскому союзнику. Как отмечает А. Б. Давидсон, сохранение в русском обществе традиционных установок и взглядов обусловило устойчивость ряда распространенных антианглийских стереотипов массового сознания о неприемлемом протестантизме, «гнилом либерализме», поклонении «златому тельцу», способствовавших быстрому распространению англофобии в России после революции 1917 г.⁴³

Таким образом, развитие ситуации на фронтах и во внутривнутриполитической сфере определило общий вектор эволюции образов союзников в традиционном сознании. Ключевую роль в этом процессе играло истолкование мотивов поведения союзников и проявляемых ими качеств на полях сражений, в деле мобилизации людских и материальных ресурсов и, главное, – в отношении к «союзническому долгу». Представления о союзниках были в значительной степени проекцией собственных национальных ценностей. В русской духовной традиции значимую роль играли мотивы сострадания, способности к самопожертвованию в общих (государственных, коллективных) интересах.

Неоднократно на протяжении войны жертвовавшие своими интересами в пользу общесоюзнических, понесшие наибольшие людские потери россияне ожидали проявлений жертвенности и сострадания от союзников. Поэтому стремление союзников реализовать в войне свои собственные национальные интересы и сохранить сильную армию ко времени раздела «плодов победы», было расценено в России значительными слоями населения как эгоизм, расчетливость и предательство общих интересов, использование России для достижения своекорыстных целей. Критические настроения в отношении союзников часто выражались и «прорывались» в форме слухов, через различные каналы неформальной коммуникации. В целом для массового сознания «низов» была характерна нерасчетленность образа войны и образов союзников, а также «периферийность», недостаточная маркированность образов союзников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду сознание индивидов: в массовом сознании мифологический компонент всегда сохраняется и играет важную роль.

² Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 37.

³ Там же. С. 38–39.

⁴ *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1987. С. 306.

⁵ Там же. С. 308.

⁶ Россия и Запад... С. 38.

⁷ *Энгельгардт А. Н.* Из деревни... С. 308–309.

⁸ *Лурье С.* Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994. С. 142.

⁹ Исторические песни. Баллады. М., 1991. С. 651, 658.

¹⁰ *Миронов Б. Н.* Грамотность сельского населения России в XIX – начале XX века // *Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века.* М., 1991. С. 354.

¹¹ Россия и Запад... С. 54.

¹² *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 293.

¹³ *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет... С. 295.

¹⁴ *Емец В. А. А. П.* Извольский и перестройка внешней политики России (соглашения 1907 года) // *Российская дипломатия в портретах.* М., 1992. С. 344–348; *Рудая Е. В.* Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907–1917 годах // *Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимодействия народов, социумов, культур.* М., 1996. С. 176, 182; *Голубев А. В.* «Если мир обрушится на нашу республику...» Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008. С. 165.

¹⁵ *Давидсон А. Б.* Образ Британии в России XIX и XX столетий // *Новая и новейшая история.* 2005. № 5. С. 54–55.

¹⁶ См.: *Ferguson N.* The Pity of War. London, Allen Lane, 1998. P. 207–209.

¹⁷ Московские ведомости 1914. 22 июля, № 169.

¹⁸ Московские ведомости. 1914. 18 (31) июля, № 166; Зауральский край. 1914. 19, 20 июля.

¹⁹ Зауральский край. 1914. 19, 20 июля; ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1416. Л. 1.

²⁰ Россия борется за правду. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. С. 4; Великая война России за свободу и объединение славян. Сб. ст. для школьных и народных библиотек. Под ред. Д.И. Тихомирова. М., 1914. С. 133.

²¹ См.: Смех и сатира. 1914. сентябрь – декабрь. № 39–50; Война и народ. Юмористический и сатирический альманах. М., 1915.

²² Война и народ. Юмористический и сатирический альманах... С. 2.

²³ *Симаков В. И.* Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т.д. Пг., 1915. С. 9.

²⁴ *Голубев А. В.* «Если мир обрушится на нашу республику...» С. 166.

²⁵ Солдатские песни. Сборник военных песен. Сост. В. И. Симаков. Ярославль, 1915. С. 16.

²⁶ См.: ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 108. Ч. 15. Л. 11; ЦГИАРБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 551. Л. 76; ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1596. Л. 28–33, 84.

²⁷ *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М.;Л., 1929. С. 72; *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж, 1939. Т. 2. С. 125; *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917. М., 1991. С. 89; *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 157; *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 270; *Уральская жизнь*, 1914, 19 декабря.

²⁸ *Уральская жизнь*, 1914, 19 декабря.

²⁹ *State, Society and Mobilization in Europe during the First World War / Edited by John Horne.* Cambridge, 1997.

³⁰ *Ziemann B.* War Experiences in Rural Germany. 1914–1923. Oxford. New York, 2007.

³¹ *Ibid.* P. 19.

³² Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань, 1932. С. 31–32.

³³ См.: *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 103–116; 149–174; 191–214.

³⁴ *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне... С. 159–160.

³⁵ Там же. С. 160.

³⁶ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции... С. 71.

³⁷ Там же. С. 71–72.

³⁸ *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны... С. 325, 328, 330.

³⁹ *Колоницкий Б. И.* Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // *Россия и Первая мировая война.* СПб., 1999. С. 275.

⁴⁰ *Россия и Запад...* С. 65.

⁴¹ См.: *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны... С. 161–169.

⁴² РГВИА. Ф. 369 Оп. 9 Д. 6 Л. 120, 121.

⁴³ *Давидсон А. Б.* Образ Британии в России XIX и XX столетий... С. 55.